

РАЗСКАЗЫ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ-САНГЛЕНА.

1776—1796 гг.

Разказы эти извлекаемъ изъ одного изъ нѣсколькихъ списковъ, напечатанныхъ нами обширныхъ и интересныхъ Записокъ Я. И. де-Санглена, сообщенныхъ намъ покойнымъ исторіографомъ Александра I—генералъ-лейтенантомъ М. И. Богдановичемъ, каковыя Записки напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXVI, декабрь; изд. 1883 г., томы XXXVII и XXXVIII. Настоящіе разказы дополняютъ эти Записки. Ред.

Сперва почитаю обязанностью познакомить вкратцѣ правнуковъ и позднихъ моихъ читателей со мною и моею фамиліею. Та фамилія, которую я носилъ и передалъ дѣтямъ своимъ, не есть настоящая, настоящій только гербъ мой.

Отецъ мой подъ именемъ de Sanglain, а chevalier de la Raуге подъ собственнымъ своимъ. Отцу моему прислано было изъ отечества 40,000 руб., и въ 1775 году женился онъ въ Москвѣ на дѣвицѣ Вросаз. Плодъ этого брака въ 1776 году 20-го мая былъ я, на квартирѣ въ домѣ Тележникова, у Покровскихъ воротъ.

Chevalier de la Raуге въ 1812 году погибъ отъ руки своихъ соотечественниковъ, когда отецъ мой уже давно поконился въ землѣ, оставивъ меня четырехъ лѣтъ. Chevalier de la Raуге явился предъ вошедшими въ Москву французами въ темно-синемъ своемъ мундирѣ, съ красными обшлагами и шляпѣ съ бѣлымъ бантомъ. Завязалась ссора, зачѣмъ на шляпѣ его не нововведенный бантъ tricolore! Слово за слово. Французы, выбравъ его vilain royaliste, бросались срывать съ него мундиръ, шляпу. 85-ти-лѣтній старикъ обнажилъ шпагу и—палъ, защищая мундиръ и бѣлый бантъ своего короля. Morand, умершій долго послѣ выхода французовъ изъ Москвы, пересказалъ мнѣ этотъ послѣдній подвигъ родственника моего chevalier de la Raуге.

Говорить о своей молодости было бы только удовлетвореніемъ самолюбія, а читателю не доставило бы ни малѣйшаго удовольствія,

Выпишу изъ моей жизни единственно тѣ моменты, которые болѣе или менѣе имѣли вліяніе на будущую судьбу мою. Я лишился отца на 5-мъ году своего возраста.

Первою моею наставницею была мать моя, и библейская исторія съ картинками, по которой училась она сама, была и моимъ первоначальнымъ чтеніемъ. Книга эта хранится и нынѣ у меня съ достоудожнымъ почтеніемъ. 7-ми лѣтъ отдали меня въ пансіонъ.

Малѣйшая невѣжливость противъ дамы (въ годы моей молодости) наказывалась со стороны всего прекраснаго пола жестокою холодностію, а со стороны мужчинъ пренебреженіемъ.....

Личное оскорбленіе заставило его забыть ту пользу, которую онъ отечеству принести бы еще могъ.

Я 6-ти лѣтъ находился при семъ отличномъ человѣкѣ, раздавалъ бѣднымъ его благотѣянія съ соблюденіемъ величайшей тайны. Сколько могъ бы представить я примѣровъ благотѣльныхъ его поступковъ, но я обращусь къ самому себѣ. Открывъ мнѣ домъ свой и присовокупивъ меня такимъ образомъ къ семейству, онъ всячески старался дать юности моей нравственное направленіе. Никогда не оскорблялъ онъ чести офицерской грубыми словами, выговаривалъ ошибки милостиво, передавалъ всякія свои понятія о чести, о службѣ и обязанностяхъ благороднаго человѣка, которыя подтверждалъ примѣрами своими. Приучилъ меня къ пріятности дѣлиться съ ближнимъ и взирать на все свыше обыкновенной земной точки. Сколько я обязанъ сему возвышенному человѣку за данное юности моей направленіе къ добру, я того высказать не въ силахъ! Пусть выразитъ это слеза, падшая на бумагу при воспоминаніи объ оказанныхъ имъ мнѣ благотѣяніяхъ! Расскажу только объ одной моей шалости, въ которую вовлеченъ былъ болѣе самолюбіемъ, нежели изъ внутренняго желанія показать пренебреженіе къ мертвымъ и къ святымъ. Но урокъ, данный мнѣ адмираломъ, сильно пробудилъ во мнѣ не только должное уваженіе къ церкви, но и любовь къ религіи, которая тогда между нѣмцами ослабѣвать начала.

Въ то время почитался въ Ревелѣ г. N. (Августъ Кодебу?), какъ драматикъ, романтикъ, поэтъ, величайшимъ геніемъ, прославившій и озарившій всѣ Остзейскія провинціи. Я, какъ молодой человѣкъ, взиралъ на него, какъ на нѣкогого древняго полубога, вѣрилъ его словамъ, какъ святымъ, а подражать ему во всемъ почиталъ обязанностію просвѣщеннаго человѣка. Вступилъ въ число тѣхъ избранныхъ, которые имѣли счастье разыгрывать съ нимъ вмѣстѣ его піесы на театрѣ, все любители Талин и Мельпомены. Однажды г. N., въ день своего рожденія, собралъ нѣсколько изъ сихъ избранныхъ, въ числѣ которыхъ находился

и я, въ намѣреніи отпраздновать у него на вечеринкѣ этотъ знаменитый день для романтиковъ и поэтовъ. Пили чай, сѣли ужинать за скромную трапезу. Нынѣшней роскоши тогда у авторовъ не было: два блюда, бутылка вина, пива въ волю и вмѣсто десерта варенный черносливъ составляли этотъ великолѣпный ужинъ. Но за то сколько ума, остроты, либерализма сыпалось изъ устъ хозяина на восторженныхъ посѣтителей, которые въ свою очередь, по мѣрѣ силъ, старались не отставать въ любезности отъ главы поэтовъ, авторовъ и актеровъ. Ударило 11 часовъ. Г. Н. потребовалъ молчанія и, возвыся голосъ, предложилъ гостямъ своимъ слѣдующее. «Доселѣ праздновали мы рожденіе мое, какъ и всѣ почти профаны, не одаренные Аполлономъ талантомъ поэзии. Рожденіе автора отличать должно чѣмъ либо особеннымъ, разительнымъ, поэтическимъ. Приближается часъ явленія духовъ, пойдемъ всѣ провести ночь въ церкви св. Николая, гдѣ лежитъ лишенный почести погребенія бальзамированный трупъ герцога де-Круа».

Общее рукоплесканіе было отвѣтомъ на это предложеніе, и всѣ гости съ хозяиномъ à la tête пошли весело, на пирушку, къ назначенному мѣсту.

Вотъ мы уже на древнемъ кладбищѣ, окруженномъ столѣтними липами и пересѣкающимися въ разныхъ направленіяхъ густыми аллеями. Подходимъ къ церкви, дверь заперта. Отыскиваемъ кюстера, который за одинъ серебряный рубль (тогда рубль 10 копѣекъ монетою) отворилъ намъ входъ во храмъ. Всѣхъ было человекъ до десяти. Мы вошли въ первое отдѣленіе церкви, гдѣ на правой сторонѣ, за стеклянными дверями, стоялъ на возвышеніи, окрашенный тогда зеленою краскою, гробъ герцога де-Круа. «Сперва сюда, сказалъ г. Н. (Августъ Коцебу?), мнѣ нужно съ нимъ переговорить». Вошли, вынули по его приказанію тѣло изъ гроба и поставили въ уголъ. Г. Н. сталъ передъ нимъ, снялъ шляпу, всѣ послѣдовали его примѣру, и въ рѣчи, имъ говоренной, упрекнулъ герцога въ трусости, оказанной подъ Нарвой въ 1700 г., и осудилъ его за такой малодушный поступокъ стоять всю ночь въ углу, пока мы проведемъ ее въ его сосѣдствѣ. Послѣ такого подвига отворилъ кюстеръ на тяжеломъ блокѣ висящую узенькую дверь, мы вступили въ храмъ. Церковь эта до 200 лѣтъ предъ симъ была римскокатолическая, и въ ней еще оставались многіе памятники того времени. При входѣ находился Confessional, мѣсто, окруженное рѣшеткою съ дверью, гдѣ священникъ исповѣдывалъ приходящихъ.

— «Вы въ мундирѣ, при шпагѣ, сказалъ мнѣ г. Н., вамъ должно занять это мѣсто, дабы адѣсь, у входа, въ случаѣ нападенія, вы

могли насъ защитить отъ нечистой силы». Признаюсь, мною овладѣлъ какой-то безотчетный страхъ; вся эта шутка казалась мнѣ неприличною, я готовъ былъ бѣжать. Но какъ на то рѣшиться?—Осмѣютъ,—и бѣжать, когда самъ г. N. предводительствовалъ нами? Мы шли прямо къ алтарю, между колоннами, украшенными латами, шишаками, копьями рыцарей, которыхъ тѣла погребены были подъ ногами нашими. Г. N. пазначилъ мѣсто каждому особенно и въ отдаленности другъ отъ друга. Всѣ успѣлись, а я пошелъ въ мой конфессионалъ. Изъ всѣхъ членовъ моей собратин я былъ лѣтами (всѣхъ) моложе, мнѣ минуло 18 лѣтъ. Признаюсь еще разъ, страхъ овладѣлъ мною; я задвинулъ, вѣроятно изъ предосторожности отъ злыхъ духовъ, внутреннюю задвижку у дверей моего конфессионала и сѣлъ въ раздумьѣ на лавочку. Кюстеръ ушелъ съ фонаремъ, и мы остались въ темнотѣ; ибо слабый свѣтъ луны, проникавшій сквозь стекла оконъ, замалеванныхъ гербами и другими разноцвѣтными рисунками, не позволялъ намъ ничего различать. Присовокупите къ этому мысль о святости мѣста, холодъ, сырость, ночное время, близость герцога де Круа, это молчаніе гробовъ,—и вы легко представить себѣ можете непріятное положеніе молодого прапорщика. Вдругъ пролетѣло что-то по церкви, ударилося объ щиты, колонны, взвивалось вверхъ, опускалось внизъ и опять поднималось. Черезъ нѣсколько времени слышенъ былъ шорохъ по каменному полу, какъ будто извивалось по немъ нѣсколько огромныхъ змѣй. Наконецъ дверь, родъ калитки, скрипнула, и я услышалъ страшное стenanіe, какъ будто умирающаго насильственной смертью. Ужасъ овладѣлъ мною, но дверь моя заперта, думалъ я,—ко мнѣ никто войти не можетъ, завернулся въ плащъ, и, благодаря молодости, заснулъ. Просыпаюсь, уже солнце взошло, слышу говоръ, хохотъ, вылезая изъ норы своей и вижу сквозь рѣшетку церковнослужителей. Они мели церковь и между ними узнаю нашего кюстера. «Куда дѣвались товарищи мои?»—«Они разбѣжались, отвѣчалъ улыбаясь кюстеръ, мы до свѣту сюда пришли, и уже адѣсь никого не было. Какъ это вы уцѣлѣли?» Какое торжество! Честь мундира сохранена безъ пятна, и кажется я не струсилъ¹⁾. Бѣгу домой, рассказываю съ важностью пер-

¹⁾ На другой день узналъ я, что летавшіе по церкви гости не были душами усопшихъ, какъ я полагалъ, но ночныя птицы, которыя въ желѣзныхъ латахъ завели гнѣзда свои. Онѣ влетали сквозь большое отверстіе, гдѣ стояла погребальная колесница. Не змѣи, какъ мнѣ казалось, ползали по полу, а товарищи мои, которые ползкомъ на брюхѣ искали дверь, чтобы выйти изъ церкви. Стоянь происходилъ отъ господина фонъ П., который былъ не въ мѣру толстъ. Онъ счастливо доползъ до дверей и благополучно пролезъ до половины тѣла, но когда она тяжелымъ блокомъ своимъ обхватила толстое

вому встрѣтившемуся мнѣ знакомому мой подвигъ, другому, третьему; но хвастовство это было причиною той справедливой непріятности, которой я подвергся.

Адмиральшѣ моей рассказала одна дама этотъ подвигъ нашъ съ нѣкоторыми прибавленіями, какъ будто недостаточно было и того, что мы сдѣлали. Адмиральша довела это до свѣдѣнія адмирала моего, и меня потребовали на лицо. Здѣсь попался я въ разставленныя мнѣ сѣти. Адмиралъ приказалъ мнѣ по обыкновенію принести изъ канцеляріи заготовленныя бумаги для подписанія. Это было исполнено и онъ приказалъ мнѣ ихъ читать. Нѣкоторыя онъ подписалъ, другія переправилъ и велѣлъ отдать переписать. Когда я возвратился за новыми приказаніями, адмиралъ, какъ будто мимоходомъ, спросилъ улыбаясь: «ну какъ отпраздновали вы рожденіе г. N.?» Я обрадовался случаю какъ можно живѣе передать начальнику все слышанное, видѣнное и содѣянное на семъ пиршествѣ. Странно показалось мнѣ, что лице адмирала при разсказѣ моемъ становилось болѣе и болѣе серьезнымъ. Но я продолжалъ бодро свое повѣствованіе, не забывая выставить поярче трусость товарищей, а свое мужество и для того скрылъ, что въ церкви проспалъ до утра». — «Это все?» спросилъ адмиралъ съ холодною, которая меня поразила, — «и вамъ не стыдно, молодой человѣкъ, тщеславиться поступкомъ, который всѣхъ васъ срамить въ глазахъ порядочныхъ людей? Знаете ли вы, что такое церковь, когда обращаете ее преступно въ мѣсто вашего кощунства, и за что опозорили вы тѣмъ давно опочившаго несчастнаго человѣка?» Тутъ представилъ онъ мнѣ всю важность моего проступка. Онъ говорилъ такъ сильно, убѣдительно, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ трогательно, что непрочно на глазахъ моихъ навернулись слезы. Адмиралъ увидѣлъ это и тотчасъ смягчился. «Вы молоды, продолжалъ онъ, будьте осторожнѣе въ выборѣ друзей и бесѣдъ вашихъ. Желаніе блеснуть въ обществѣ г. N. васъ увлекло. Если хотите удержать мое хорошее о васъ мнѣніе, то удаляйтесь отъ подобныхъ обществъ».

Этотъ урокъ такъ сильно подѣйствовалъ на меня, что я отказался отъ театра, и мало-по-малу оставилъ большую часть членовъ этого

брюхо, онъ дагѣ пролѣзть не могъ, испугался, думалъ, что не пускаетъ его герцогъ де-Круа, стоналъ, просилъ у него пощады и помплованія. Худошавый г. N. (Августъ Кодебу), отыскавшій ту же дверь, наткнулся на него, догадался въ чемъ состоитъ дѣло, переползъ чрезъ несчастнаго, растворилъ дверь побольше и выручилъ г. фонъ П., который все еще оглядывался не бѣжитъ ли за нимъ герцогъ де-Круа. Прочіе товарищи, не найдя дверей, выползли сквозь большое отверстіе, роуъ свода, въ которое влетали и улетаи ночныя птицы.

общества. Хотя симъ отреченіемъ я нажилъ кучу враговъ и самаго г. N. (Августа Бопебу), но я имѣлъ довольно силы этимъ пренебречь и обрѣлъ ту выгоду, что этотъ случай направилъ мой умъ и сердце къ религіи, и во все теченіе жизни со стези религіозной я никогда не совращался.

Я слишкомъ долго, можетъ быть, останавливаюсь на предметѣ, маловажномъ для читателя, но я хотѣлъ познакомить его съ великодушнымъ, отческимъ обращеніемъ начальниковъ тѣхъ временъ съ своими подчиненными, и какъ счастливы были родители, поручая дѣтей своимъ болѣе милостивымъ наставникамъ, нежели суровымъ командирамъ.

Служба моя была легка (и т. д. см. «Русскую Старину» изд. 1882 г. декабрь, стр. 449).

Въ 1790-хъ годахъ и въ началѣ XIX в. велика была (въ средѣ русскихъ офицеровъ) сила общаго *point d'honneur*. Мы по приѣздѣ въ Москву ни къ кому не являлись, часто не звали имени и фамиліи г. командира или г. оберъ-полиціймейстера. И никогда ни о какой глупости или шалости офицера въ обществѣ не слыхали. Чѣмъ же это держалось? Амбіцію. Честь была не на словахъ, а въ сердцѣ и дѣлахъ. Она едва ли не составляла главную часть души, а примѣръ подавали вельможи, прибавлю: военные. Тогда ни единый дворянинъ, развѣ больной, горбатый и проч. не начиналъ службы съ чина коллежскаго регистратора (и т. д. *ibid.* стр. 455).

Въ высшихъ сословіяхъ и бесѣдахъ никогда, и всюду соблюдался тотъ же этикетъ, какъ и при дворѣ. Даже и купеческіе дома (и т. д. *ibid.*).

Многіе вельможи слѣдовали высокому примѣру императрицы Екатерины II и въ своей частной жизни.

Окно государыниной (императрицы Екатерины II) опочивальни выходило на такъ называемый червенькій дворикъ. Случайно подошла она къ нему утромъ и ужаснулась, увидѣвъ страшное количество привезенной на императорскую кухню провизіи. Вдругъ явилась и куча салазокъ. Главный поваръ, отобравъ нужное для императорскаго стола, раздавалъ лишнее, которое поваренки укладывали на салазки и увозили со двора. Императрица открыла форточку и, погрозивъ пальцемъ, вскричала: «право пожалуюсь на васъ оберъ-гофъ-маршалу. Смотрите, бѣда будетъ!» Послѣдній, узнавъ о приключившемся, явился къ государынѣ и просилъ позволенія наказать виновныхъ. «Хорошо, сказала императрица, но надобно сперва узнать, куда они все это сваживаютъ?» По строгому изслѣдованію, оберъ-гофъ-маршалъ доложилъ, что кухмейстеры отправляютъ все къ своимъ семействамъ. «Кор-

мятся отъ моего стола, отвѣчала государыня, а я думала, ужъ не про-
даютъ ли? А коли такъ, пусть ихъ кушаютъ на здоровье. Смотри
только, чтобы не свезли всего, а то мнѣ не чѣмъ будетъ кормить
гостей моихъ». Какъ снисходительна она была, а по ней и вельможи...
(ibid. стр. 460).

Однажды графъ Салтыковъ поднесъ императрицѣ Екатеринѣ II
списокъ о производствѣ въ генералы. Чтобы облегчить импера-
трицѣ трудъ и обратить ея вниманіе, подчеркнулъ онъ красными
чернилами имена тѣхъ, которыхъ производство, по его мнѣнію, должно
было остановить. Государыня нашла подчеркнутымъ имя бригадира
князя Павла Дмитриевича Циціанова. «Это за что?»—спросила госу-
дарыня. Графъ отвѣчалъ: «офицеръ его ударилъ». «Такъ что-жъ?
ты выйдешь отъ меня, изъ-за угла накинется на тебя собака, уку-
ситъ, и я должна Салтыкова отставить? Князь Циціановъ отличный,
умный, храбрый офицеръ; имъ должно дорожить; онъ намъ приго-
дится. Такихъ людей у насъ не много!» И собственноручно отмѣ-
тила: «производится въ генералъ-маіоры».—Екатерина не ошиблась;
князь Циціановъ оправдалъ ея мнѣше,—пригодился!

Во второй день моего пріѣзда въ С.-Петербургъ встрѣтился я съ
однимъ изъ нашихъ офицеровъ О..... На вопросъ его: «гдѣ ты остано-
вился?»—У Демута, отвѣчалъ я.—«Что платишь за обѣдъ?»—Рубль.—
«Ого, братъ, видно у тебя денегъ много».—Не слишкомъ; да дѣлать
вечего,—ѣсть надобно.—«Коли хочешь дешево и славно отобѣдать за
императорскимъ столомъ, то приди завтра ко двору въ 12 часовъ и
стань у фонарика. Коли прежде меня придешь, то выжди меня, а
то я подожду. Не забудь только взять 25 копѣекъ». Признаюсь, я
ничего не понималъ, однако въ 12 часовъ явился въ назначенномъ
мѣстѣ; вскорѣ пришелъ и покровитель мой. Мы вошли во дворецъ,
поворотили на право и между колоннами пробрались до император-
ской кухни. Всѣ поваренки поклонились моему товарищу, и онъ по-
дошелъ къ человѣку пожилыхъ лѣтъ, указавъ на меня, и насъ впу-
стили въ боковую комнатку. Столъ былъ накрытъ. «Садитесь, сказалъ
мой лейтенантъ, отвѣдайте царскаго кушанья и царскаго вина». И въ
самомъ дѣлѣ мы славно отобѣдали. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что мы
и на второй и третій день не преминули воспользоваться этимъ бла-
гопріятнымъ случаемъ, положивъ каждый разъ на столъ по 25 к.ас.
Кто ихъ получалъ, неизвѣстно. На 5-й день, накормивъ насъ сытно,
объявили намъ печальную вѣсть, что обѣды наши прекращаются.
Причина была слѣдующая. Какой-то шпіонъ, виноватъ, тогда ни
людей этихъ, ни слова этого не существовало, а просто какой-то
мерзавецъ донесъ о нашихъ обѣдахъ гофъ-маршалу, и этотъ импе-

ратрицѣ, которая приказала узнать, кто эти обѣдальщики? Къ счастью, никто фамилій нашихъ не зналъ. Гофъ-маршалъ могъ только донести, что это флотскіе офицеры, а о деньгахъ умолчено было. — «Я такъ и думала, сказала императрица, у моряковъ науки много, а денегъ мало; пусть ихъ кушаютъ. Прикажите только, чтобы они на кухню не весь флотъ вдругъ приглашали».

И мы по старому ходили обѣдать.

Александръ Дмитріевичъ Балашевъ, бывъ еще камеръ-пажемъ, носилъ за императрицею Екатериною II ментикъ ея. Однажды, сидя въ камеръ-пажской комнатѣ, онъ заснулъ, и ментикъ, Богъ вѣсть какимъ образомъ, исчезъ. Проснувшись, онъ горько заплакалъ. Государыня услышала рыданіе, вышла и сказала: «о чемъ плачешь ты?» Онъ палъ на колѣно и, проливая слезы, рассказываетъ про свое несчастіе. «Встань», сказала императрица, плачь о томъ, что на службѣ заснулъ, а не о ментикѣ. Стыдно, что скажутъ товарищи?» И протянула ему милостиво руку въ знакъ прощенія.

Я слышалъ долго послѣ кончины Екатерины, отъ князя Николая Григорьевича Рѣпинна, которому пересказывалъ дѣдъ его, фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Рѣпиннъ, слѣдующій рассказъ. Императрица желала прокатиться въ саняхъ съ графомъ Кириллой Григорьевичемъ Разумовскимъ. Она садилась уже въ сани, когда пробрался сквозь толпу, собравшуюся посмотреть на свою государыню, крестьянинъ и подалъ ей бумагу. Государыня приняла оную и приказала крестьянина продержатъ въ караулѣ до ея возвращенія. Прибывъ во дворецъ, она поспѣшила прочесть просьбу крестьянина, которая вкратцѣ была слѣдующаго содержанія: крестьянинъ винился въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ бѣдную дворянку, которая ежегодно ѣздилъ собирать съ помѣщиковъ новину, рожь, гречу и проч. и на возвратномъ пути всегда останавливалась у него, онъ убилъ. Терзаемый нѣсколько лѣтъ угрызѣніями совѣсти, явился онъ въ судъ, объявилъ о томъ, просилъ наказанія, чтобы освободиться отъ барщины, которая преслѣдуетъ его день и ночь. Приняли крестьянина за сумашедшаго, отправили въ тюрьму, продержали нѣсколько мѣсяцевъ ипустили домой. Но барыня отъ него не отставала. Онъ бросился къ ногамъ губернатора, просилъ строгаго наказанія, чтобы тѣмъ избавиться отъ преслѣдованія мертвой барыни. Его наказали плетью, а барыня тутъ, какъ тутъ. Онъ прибылъ наконецъ въ Петербургъ испросить у императрицы милости велѣть его такъ наказатъ, чтобы барыня навсегда оставила его въ покоѣ. Государыня, прочитавъ бумагу, задумалась и потребовала къ себѣ Шешковскаго: «прочти эту бумагу, сказала она, и подумай что намъ дѣлать съ этимъ крестьяниномъ?»

А между тѣмъ прислонилась къ окну и стояла въ глубокомъ раздумѣ.

Шешковский, познакомясь съ прошеніемъ, отвѣчалъ: «позвольте мнѣ, ваше величество, взять крестьянина съ собою; онъ навсегда забудетъ свою барыню».

— «Нѣтъ, возразила императрица, онъ уже не намъ подвластенъ; кто выше насъ съ тобою наложилъ на него руку свою, и барыня останется при крестьянинѣ до конца дней. Прикажи его отправить домой и дать на дорогу 50 рублей денегъ».

Этотъ случай, говоритъ Н. Г. Рѣпинъ, подалъ императрицѣ мысль учредить совѣстные суды.

Однажды въ близкомъ обществѣ эрмитажныхъ собраній была императрица Екатерина II очень весела. Играли въ горѣлки, бѣгали, хотали и вдругъ довольно громко.... Одинъ смѣтливый флотскій офицеръ, лейтенантъ, допущенный въ общество за искусство вздергивать носъ къ верху и къ низу, услышалъ странный звукъ, палъ на колѣно и просилъ пощады.

Императрица сказала ему, улыбаясь: «кто такъ искусно умѣетъ пользоваться вѣтромъ, достоинъ быть произведенъ въ слѣдующій чинъ. Поздравляю васъ, г. капитанъ-лейтенантъ».

Въ тотъ же вечеръ, возвратясь въ свои апартаменты съ графомъ В. Г. Разумовскимъ, императрица сказала ему. «Какъ бы мнѣ хотѣлось подслушать 20 или 30 дураковъ, разсуждающихъ серіозно о какомъ нибудь дѣлѣ, и, судя глупо и криво, почитали бы себя умными».

— «Прошу ваше императорское величество, отвѣчалъ графъ кланясь низко, завтра пожаловать къ намъ въ общее присутствіе сената».

Графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій, подъ старость лѣтъ, удалился на покой въ Москву; по своему сану, какъ фельдмаршалъ, по богатству, имѣлъ онъ, такъ сказать, свой маленькій дворъ, гдѣ возобновлялись сцены большого царскаго двора. Всякій день былъ у него столъ на 100 кувертовъ, и каждый военный офицеръ имѣлъ право, записавшись наканунѣ у швейцара, быть во всей военной формѣ за его столомъ. Натурально, что число бѣдныхъ было болѣе числа гостей, составлявшихъ компанію графа. Главный дворецкій указывалъ вѣжливо каждому мѣсто по его чину. Графъ выходилъ съ своими гостями, кланялся и, обращаясь ласково ко всѣмъ, говорилъ: прошу садиться. Примѣтно было какъ онъ заботился, чтобы всѣхъ равно угощали, достаточно было ему кивнуть головою, и столовый дворецкій бѣжалъ исправлять недостатки.

Домовній дворецкій жаловался графу на лакеевъ, обирающихъ огарки изъ люстръ и жирндолей и проч., когда они могли бы еще горѣть на другой вечеръ.

— «Какое воровство, сказалъ графъ. Вотъ мы ихъ поймемъ; скоро будутъ мои нмняины, съѣдется почти вся Москва. Сочти сколько выйdetъ свѣчей въ этотъ вечеръ».

На другой день этого праздника докладываетъ дворецкій, что вышло 7 или 8 пудовъ.

— «Хорошо, отвѣчалъ графъ, понались! смотри только, чтобы всякій вечеръ выходило столько же; огарки пусть лакеи дѣлятъ между собою. Коль скоро будетъ порядокъ, такъ и воровать перестанутъ».

Гр. Разумовскій поѣхалъ на балъ въ благородное собраніе; пока онъ проводилъ время въ собраніи, гусару его показалось скучно,—онъ заснулъ. Начали развѣзжаться, графъ выходитъ, кличетъ гусара. Полиція засуетилась, отыскали гусара, будятъ его, онъ ищетъ соболѣю шубу—ее нѣтъ. «Холодно! — подай шубу!» восклицаетъ графъ. Гусаръ кидается ему въ ноги: «виноватъ, ваше сіятельство, заснулъ.—шубу украли, ради Бога не сказывайте дворецкому!» — «Вставай, дуракъ!» сказалъ графъ, улыбаясь, и пошелъ съ лѣстницы. Карета подава, гусаръ, отворяя дверцы, проситъ опять графа не сказывать дворецкому—«скорѣй запирай дверцы!»—кричитъ графъ,—«холодно!» Подѣхали къ дому, гусаръ, высаживая графа, опять проситъ слезно не сказывать дворецкому. «Хорошо, хорошо! пусть скорѣй, прервалъ его графъ, ты только молчи, а я не скажу!» На другой день дворецкій докладываетъ: «Соболѣя шуба вашего сіятельства пропала!» — «Что за вранье! статья ве можетъ, спроси у гусара!» — «Я спрашивалъ, онъ твердитъ одно: не знаю». — «Поди спроси еще разъ». Дворецкій возвратился: «Онъ, ваше сіятельство, все то же говоритъ: ве знаю». — «Ну, а ты что суетишься, хлопчешь? Видно, знаетъ про шубу гусаръ да я. А тебѣ какое дѣло?—Отстань!»

Разумовскому понравилась физіономія одного офицера, который всякій день обѣдалъ у него. Послѣ обѣда велѣлъ онъ дворецкому спросить фамилію, указывая на офицера. Узнавъ оную, онъ приказалъ его позвать. «Не служилъ ли твой отецъ маіоромъ въ моемъ полку?» — «Служилъ, ваше сіятельство». — «Честный и хорошій офицеръ, я часто его употреблялъ; живъ онъ?» — «Давно скончался, лѣтъ десять, ваше сіятельство». — «Ты одинъ сынъ?» — «Насъ 3 брата и 4 сестры». — «Гмъ! проворчалъ графъ,—имѣніе есть?» — «Очень мало, ваше

сіятельство».—Фельдмаршалъ взялъ лоскутокъ бумаги, написалъ что-то и вручилъ офицеру, сказавъ: «отдай, пожалуйста, моему дворецкому». Офицеръ получилъ 500 рублей. Видно это ему понравилось. Черезъ нѣсколько времени подалъ онъ прошеніе о вспомоствованіи и, не получивъ отказа, повторилъ. Наконецъ это показалось графу частенько. Увидѣвъ послѣ обѣда офицера, опять идущаго съ бумагою въ рукахъ, онъ поспѣшилъ въ другую комнату и притворилъ за собою обѣ двери. Офицеръ замѣтилъ, что двери не плотно притворялись къ полу, пропустилъ сквозь эту щелку свое прошеніе и сталъ передъ дверьми. Черезъ нѣсколько минутъ бумага воротилась тою же дорогою, но была свернута другимъ образомъ. Офицеръ догадался, что графъ ее прочиталъ, развертываетъ и читаетъ слѣдующее, подписанное рукою графа дворецкому: «выдать такому-то офицеру 1000 рублей, взявъ съ него сперва росписку, что не прежде явится просить денегъ, какъ черезъ 6 мѣсяцевъ».

Въ Пѣчепѣ доносятъ графу довольно правдоподобно, что управитель его обкрадываетъ. Съ горяча пишетъ онъ къ сыну своему, Алексѣю Кирилловичу, жившему въ Петербургѣ: «Алексѣй! пріѣзжай съчесть моего управляющаго». Между тѣмъ графъ разсматриваетъ подробно дѣла и находитъ всюду порядокъ, вѣрность въ счетахъ и де-жевныхъ суммъ, за исключеніемъ маловажныхъ неисправностей,—и удостоверяется, что сдѣланный ему доносъ основанъ болѣе на зависти и клеветѣ, нежели на злоупотребленіи данной управителю довѣренности. Что дѣлать? А графъ Алексѣй Кирилловичъ уже ѣдетъ. Жалко удалить невиннаго человѣка отъ всѣхъ непріятностей, а отъ сына скрыть поспѣшность свою, приказываетъ онъ призвать управителя. «Алексѣй ѣдетъ», говоритъ ему графъ.—Слышалъ ваше сіятельство.—«Слышалъ! такъ уекай!»—Помилуйте, ваше сіятельство, у меня семейство, вещи, я безъ денегъ.—«Возьми сколько надобно подводъ и вотъ тебѣ 2000 р., только пожалуйста уекай». Управитель бросился ему въ ноги.—«Ну, полно, сказалъ графъ, уекай».—Черезъ два дня, послѣ отъѣзда управляющаго, пріѣхалъ и графъ Алексѣй Кирилловичъ поздно вечеромъ. Фельдмаршалъ уже легъ почивать. На другой день, утромъ, встрѣчаетъ графъ сына своего слѣдующими словами: «Здравствуй, Алексѣй, а управитель-то утекъ!»

Однажды вздумалось графу играть въ шахъ и матъ.—«Спроси, сказалъ онъ дворецкому, не знаетъ ли кто этой игры».—Явился армейскій капитанъ. Графъ, видя, что капитанъ ведетъ игру строго, не спускаетъ ему ничего, не поддается, и даже выигралъ у него 2

партіи, крайне этому обрадовался. — «Ого! сказалъ графъ, будемъ всякій день вмѣстѣ играть». — Это продолжалось нѣсколько времени, какъ вдругъ капитанъ исчезъ. — «А гдѣ мой игрокъ?» спросилъ графъ. Доложили, что онъ уѣхалъ въ полкъ. «Немедленно его возвратить», сказалъ графъ. И повелѣніе фельдмаршала было исполнено. — «Что ты такъ поспѣшно бѣжалъ?» спросилъ графъ при входѣ капитана. Послѣдній сознался, что онъ поѣхалъ было защитить сестеръ отъ графскаго прикащика. — «Моего? развѣ сестры къ тебѣ писали?» — Капитанъ подаетъ письмо, но графъ повелительнымъ тономъ приказываетъ читать ему самому. Когда капитанъ кончилъ читать, графъ съ негодованіемъ сказалъ: «мошенникъ! — а сколько у васъ душъ?» — «16», отвѣчалъ капитанъ. — «А у меня?» — 80, ваше сіятельство. — «Гмъ! понимаю, продолжалъ графъ. У меня съ тобою и сестрицами твоими черезполосное владѣніе». — Точно такъ-съ. — «Ну, нынѣ обыграй меня опять въ шахъ, а завтра утромъ прошу пожаловать. Я это дѣло порѣшу». — Является капитанъ. «Повозка, лошади и подорожная для тебя готовы. Вотъ и деньги на дорогу: потому что ты ѣдешь по моему дѣлу. Этотъ пакетъ отдай самъ прикащику моему въ руки. Прощай! Да скорѣе возвратись, безъ тебя некому меня обыгрывать». — Капитанъ вручаетъ прикащику пакетъ, и каково было его удивленіе, когда послѣдній, прочитавъ графское повелѣніе, бросается предъ нимъ на колѣни, и цѣлуетъ его руки. Вся деревня, и съ прикащикомъ, была подарена капитану и сестрамъ его въ вѣчное и потомственное владѣніе. Возвратясь въ Москву, капитанъ былъ встрѣченъ графомъ теми словами: «Ну, что? Прикащикъ присмирѣлъ?» — Вмѣсто отвѣта канула слеза благодарности на руку графа, которую капитанъ цѣловалъ не у вельможи, а у благодѣтеля.

Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ отличался тоже благотворительностью. Всякій день являлось къ столу его неопредѣленное число знакомыхъ, пріятелей, но болѣею частью бѣдныхъ служащихъ и отставныхъ чиновниковъ, которые сверхъ того получали отъ него пенсію. Въ Рождество, Новый годъ, Свѣтлое Христово Воскресенье и прочіе праздники разсылались по знакомымъ подарки, а къ бѣднымъ вспомошествованія деньгами и провизією. Лѣтомъ графъ жила въ Кусковѣ. Всякое воскресенье выѣзжала туда половина Москвы, и, не говоря о гостяхъ у графа, скажемъ только, что пріѣзжіе угощались въ японскомъ домикѣ и другихъ бесѣдакахъ чаемъ, булками и проч., а простой народъ виномъ, пивомъ отъ гостепріимнаго хозяина.

Должно сожалѣть, что графъ Николай Петровичъ Шереметевъ. Богъ вѣсть по какимъ причинамъ, немедленно послѣ смерти отца

сломалъ на Никольской улицѣ въ Москвѣ домъ, въ которомъ онъ жилъ. Какъ пріятно было бы взглянуть, какъ и въ Кусковѣ, на комнаты вельможи, который столько благотворительности изливалъ на Москву, и пышною своею роскошью удивилъ принца Генриха Прусскаго.

Возможно ли умолчать о графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой?—Сколько осталось въ невѣдѣнности ея благодѣянія! потому что она тщательно старалась скрывать ихъ. Какъ-то услышала она объ одной вдовѣ почтеннаго чиновника, которая, по бѣдности, мыла кружева на бѣдную старуху, обращающуюся съ ней очень дурно. Она купила ей домъ, снабдила ее всѣмъ нужнымъ, опредѣлила ей денежную пенсію, и эта благодѣтельницаванная ею вдова умерла въ полной увѣренности, что все это получила она отъ Ѳ. П. Ключарева, бывшаго тогда адъютантомъ у графа Захара Григорьевича Чернышева, и отъ жены Ключарева, потому только, что они были исполнителями воли графини.

Князь Николай Васильевичъ Рѣпинъ заплатилъ за хорошаго, исправнаго офицера, имѣвшаго несчастье проиграть казенныхъ денегъ 30 т. руб., чтобы не наложить пятна на многочисленное его семейство. Во время похоронъ князя, благодѣтельницаванный самъ объявилъ торжественно о семъ великодушномъ поступкѣ князя. Какое краснорѣчивое, высокое надгробное слово!

Но сколько могъ бы я еще прибавить подобныхъ поступковъ великодушія, которые были только подражаніемъ того, что происходило при дворѣ Великой Екатерины. Тогда не славилась пышными обѣдами, заморскими винами, иностранною богатою мебелью,—роскошествовали благодѣяніями. Но довольно сказаннаго мною, чтобы познакомить читателя съ духомъ, характеризующимъ тотъ вѣкъ. Духъ этотъ пробудила Екатерина.

— «Высшая точка свѣта, говаривала княгиня Екатерина Романовна Дашкова, служить фаросомъ (faro—маякъ) нижнему огню летучему».

Возвышенный духъ Екатерины переходилъ къ вельможамъ, отъ нихъ къ послѣдующимъ за ними начальникамъ, отъ этихъ къ ихъ подчиненнымъ, и такимъ образомъ духъ Великой Екатерины, болѣе или менѣе, но распространялся по всей Россіи. Утвердительно сказать можно, что Россія Екатериной мыслила, судила, жила.

Нѣкоторыя изрѣченія Екатерины, какъ владычицы полвселенной, заслуживаютъ сохранены быть для потомства.

Дошли до ея свѣдѣнія оскорбительныя объ ней заключенія, и со-вѣтывали наказать дерзновенныхъ. «Я могла бы, сказала она, тре-

бовать отъ русскихъ современниковъ молчанія, и къ тому ихъ принудить; но что сказало бы потомство? а мысль, подавленная страхомъ въ сердцахъ, развѣ менѣе была-бы для меня оскорбительна?»

Мысль истинно царская, которая пренебрегаетъ мелкимъ мщеніемъ, зная, что еще будетъ судъ потомства.

Въ продолженіи разговора о томъ же предметѣ сказала она:

— «Самовольное, не на законахъ основанное управленіе народомъ бываетъ для государей гибельнѣе личныхъ ихъ несправедливостей или заблужденій».

Здѣсь у мѣста упомянуть мнѣніе ея о процессѣ Волинскаго. Она приказала представить ей процессъ Волинскаго, и, прочитавъ оный, написала своеручно (свой по сему процессу отзывъ).

Примѣчаніе. Отзывъ Екатерины II о дѣлѣ Волинскаго былъ неоднократно напечатанъ и, между прочимъ, въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., томъ XXXVIII, стр. 465—466.

Маскарадъ при дворѣ 6-го янв. 1841 г.

(«Русская Старина», изд. 1883 г., томъ XXXIX, августъ, стр. 411—420).

1. Захаржевскій, Григорій Андреевичъ, не былъ комендантомъ въ Царскомъ Селѣ, но былъ Петербургскимъ комендантомъ, послѣ Мартынова и предъ бар Зальца (лейбъ-гренадерскимъ флигель-адъютантомъ).

Въ Царскомъ Селѣ былъ не комендантомъ, а главноуправляющимъ другой Захаржевскій, генералъ отъ артиллеріи, инвалидъ, съ деревянной ногой: ему ногу оторвало подъ Лейпцигомъ въ 1813 году.

Григорій Андреевичъ служилъ въ конной гвардіи до производства въ генералы въ 1831 году и про него осталась въ полку вотъ какая легенда (слышано отъ офицеровъ въ 1831 году и отъ трубача лейбъ-эскадроннаго, Стрелкина, имѣвшаго медали за 1812 и 1814 годы). Въ 1814 году, подъ Фершампенуазомъ, онъ былъ корнетомъ, высокаго роста, но стройнымъ, скорѣе худощавымъ. Въ сраженіи онъ былъ прострѣленъ пулею въ животъ на вылетъ. Къ счастью его, это было на-тошахъ, пуля прошла, не задѣвъ внутренностей, и онъ скоро выздоровѣлъ. Но съ тѣхъ поръ началъ толстѣть непомѣрно. Въ 1841 году онъ уже имѣлъ видъ огромной бочки, поставленной на двѣ громадныя тумбы, и вотъ что придавало особую комичность назначенію его «рейт-пажемъ большимъ, толстымъ, жирнымъ».

Не смотря на такую необыкновенную наружность, Гр. Андр. былъ такъ уменъ и съ такимъ достоинствомъ умѣлъ держать себя, что не подавалъ повода ни къ какимъ насмѣшкамъ. Съ нимъ прекратились анекдоты «комендантскіе», которые до него были какъ-бы наслѣдственные въ комендантскомъ (Петербург.) званіи и съ одного коменданта переходили на другого.

Родная сестра Гр. Андр. Захаржевскаго была замужемъ сперва за Бибиковымъ (у нея дочери: баронесса Офенбергъ и княгиня Бѣлосельская-Бѣлосерская, имѣя княгиня Кочубей), а потомъ за графомъ А. Х. Бенксгофъ.

Упоминаемая въ числѣ участницъ въ маскарадѣ Опочинина не могла быть Вѣра Ивановна, рожденная Скобелева, которая была тогда еще очень молода, а ея belle-mère—Дарья Михайловна, супруга Феодора Петровича Опочинина, рожденная княжна Голенищева-Кутузова-Смоленская.

И. В. Вунчъ.

Мерекьюль, 1-го сентября 1883 г.